

БОРОНИИ ЗУБ

Год издания 4-й

ЦЕНА № 15 КОП.

Крестьянский юмористический журнал

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „БОРОНА“

№ 8-9 (44-45)

АВГУСТ—СЕНТЯБРЬ 1929 г.

Адрес конторы и редакции: Кострома, Советская, 15. Тел. 3-64.

Гос. Публ. Библи.

192

06

У-30
29

Капиталист, не угрожай!
В стране советской—урожай.
И, смычке с городом верна,
Спошит с подводами зерна
И эшелонами товаров
Деревня—к городским амбарам.

И не возьмешь ты нас живьем,
Не тронешь нас, буржуй проклятый!
Ведь будут фабрики с сырьем,
Ведь будут села всем богаты,—
Тебя продукцией уьем
И расстреляем урожаем!

НАУКА

С прошлого года все Тимошино убедилось, что с машиной работать куда скорее. Поля тимошинские хорошо сдружились и с веялкой, и с косилкой, и с жнейкой. Даже узоры от железных упоров тракторных колес — не редкостное явление на полях тимошинских хозяев.

Правда, в деревне машин мало, да и теми нераздельно владеет скопидомный кулачек Жмайлов, но выручило кредитное товарищество. Работники подобрались в кредитке на совесть. Полон сарай набит в кредитке прокатными машинами. Как подходит их пора — только успевай отпускать.

Рано утром получили в кредитке косилку братья Ожогины, и вскоре мягкий стрекот ее присоединился к равномерным перестукиваниям двух других косилок, уже начавших стрижку широких тимошинских клеверных полос.

Мерно в ногу шагали братние коняги. Ровными гребнями ложился подрезаемый машиной густой клевер. Но вдруг, на повороте, в косилке что-то подозрительно хряснуло. Коса ослабла и со скрипом, уже как-то нерешительно, стала кусать сочные травяные стебли.

— Дело-то, братан, хреновое, — сказал Василий Ожогин, осмотрев косилку. — Закрепа лопнула, в кузницу придется ехать.

— Тыфу, мать честная! — отплюнулся с досадой его брат Петруха. — Вот незадача... Поедем, может дома что подходящее найдем, крикнем.

Тихо тащила к деревне занедужившую машину пара коней.

— Аль не заладилось? — спросил из-за плетня сосед Егор, большой противник машин, когда братья на гуме выпрягали лошадей из косилки.

— Да, вишь, заедает. Брат машину — берут все, а чистить — чужой дядя должен, — досадливо бросил Петруха.

— Ну, брат, шабаш! Ничего нам не сделать, — обратился он через несколько минут к Василию. — Давай сдавать машину. Надо только как-нибудь поукрепить излом, чтобы за починку не содрали...

Кое-как закрепил уколодили. Василий принес хлебного мякиша и замазал им предательскую трещину. Через час дружная пара коней тащила косилку в Кузово, в поместительный машинный сарай.

— Аль откосились? — ехидно спросил из-за плетня Егор.

— Да, вишь, провозились с чисткой-то... А машину-то нам всего до обеда дали, — поспешно ответил ему с косилки Василий.

* * *

Когда подошло жнитво, в сарае кусковской кредитки уже подчистились, подправились грабастые жнейки, готовясь избавить бабьи спины от натужной гимнастики под палящими лучами солнца.

Без усталости шумят они в ржаной желтизне, взмывая кверху граблевыми руками. Только когда стройные ряды суслонов сменяют кругом разливанное ржано-пшеничное море, снова уйдут жнейки на долгий отдых.

Весело ехали в поле со жнейкой братья Ожогины. Мигом обожнемся. За день машинка полосы подстрижет, — говорил Петруха брату.

Но не оправдала петрухиных надежд машинка. И десяти снопов не сжала она. Одни грабли у жнейки оказались сломанными и не сбрасывали свою порцию колосьев.

— Аль занеладилось? — слышался из-за плетня злой смех Егора, когда грустные братья показались со жнейкой на гуме.

— Сволочи, чтоб им повылазило, — вместо ответа начал ругаться Петруха. — Изломали, черти, грабли, а чини за них дядя. Что-б им, иродам окаянным, во век жнейки не видать, чтоб им...

— И ведь хитрые какие, — обратился к Егору Василий. — Кое-как застучали поломку, а чтоб незаметно было, — колесной мазью замазали. А нам теперь чини да день рабочий теряй.

— А что, аль надо было мякишем замазывать-то? — засмеялся Егор. — Эх, вы-ы!.. Машинисты! Вот и возитесь теперь со своей машиной. А у меня бабы, поди, уж рожь-то и дожинают...

Похихикал злобный мужик и ушел. А братья молча посмотрели друг на друга и почесали в затылках.

— А ведь и впрямь зря лаем, братан! — заговорил Петруха.

— Знамо зря, — подтвердил Василий. — Поди и нас за косилку-то тогда честили не лучше... Обидно что вот этот насмеяется, — кивнул он головой на егоров плетень...

— Ничего, мы еще ему утрем нос-то! — весело вскричал Петруха. Давай, езжай в кузницу. А в кредитке обязательно поставим вопрос, чтоб принимали машины потщательней. Учить надо нашего брата...

Гр. Желтоусов.

Что в деревне, что в селеньи,

Лихорадке там почет:

Граждан после воскресенья

Лихорадит и трясет.

— В чем беда? — К врачу с поклоном!

— Дай лекарства по нутру.

Врач ответил: — самогону

— Не лакайте по ведру.

А. С.

Своей пользы не поняли

В одном селе во время передела земли кулакам достались самые лучшие участки, а беднякам отвели землю, сплошь усеянную камнями.

На протесты бедняков предсельсовета — кулак успокаивал их:

— Для вас же старались, а вы своей пользы не понимаете! Что камней много на ваших полях — этому вы радоваться должны. Ведь из камней вы можете устроить такие же каменные амбары, как и у меня!

Д.

КИШКА

Что шуму-то, что гаму было, когда привезли в Залатаево пожарную машину! Вся деревня в сборе, все ходят да шупают.

— Ах, добротная машина! Вот это машина! Гореть теперь не страшно—зальем!

И народ, понятно, собрался к совету с благодарностью. Тут же и летучий митинг устроили. Слова разные и лозунги произносили.

— Война до победного с красным петухом!

— Да здравствует смычка с водою!

— И прочее.

Как водится, сейчас могарычи. Собрали складчину, прибавили деньги, что от машины остались, да на все притащили водки из кооператива.

А когда не хватило, самогонки добавили.

Так все было хорошо, так все празднично, так душевно! Самая что ни на есть беззаботная радость.

А только омрачил эту радость несознательный один гражданин, который на радостях не употребил ни русской, ни самогонки.

— Граждане,—говорит так это серьезно,—машина-то она машина, а только как же заливать? Кишка-то где же?

Сначала заругались было граждане, а потом поотрезвели малость,—смотрят: а ведь кишки-то действительно нет!

— Вот-те и клюква! Обмишурились, стало быть!

— То-то—обмишурились!—говорит несознательный тот же гражданин.—Пить мастера, а чтобы кишку купить, так нет: кишка тонка! Э-э-эх! И смотреть-то на вас противно!

Плюнул и ушел.

Посмотрели граждане ему вслед, почесали в загривках в полном недоумении.

Евстрат Тихоныч всех успокоил.

— А ну, допьем, граждане, може в башке чуток просветлеет!

И поразмыслив немного, сказал:

— Кишка, действительно, требуется, а только деньги-то кишкиные уже пропили. Загорись завтра,—и машина сгорит... Стой! Придумал! Есть кишка! Давайте зарежем общественного быка и из ейных кишек такая знатная кишка выйдет, просто загляденье!

— Вот это правильно!

— Да ведь бык-то общественный!

— Ну-к что-ж? Дома то нам дороже, чем бык!

Решили единогласно. Послали ребятшек за быком и тут же под горячую руку и прирезали его. Размотали кишки да на солнце подсушить растянули.

— Ладно, говорят, к завтраму просохнет. Тогда мы ее спробуем!

На утро собрались за деревней у кузницы. Пожарную машину вытащили и пробу начали готовить. Натаскали всякой всячины и соломы, и оглобли старые, и полозья санные. Преогромный костер сложили и запалили.

А ну, граждане, прилаживай кишку!

Напялили кишку на машину и давай качать. А кишка-то засохла и ну трещать да ломаться. Вода из дырок фонтаном хлещет, всех граждан, которые около, мочит.

Тем временем костер перекинулся на пожарный сарай, что рядом был, а с него на крайнюю избу.

Тут бабы, что на кишку глазели, в рев, да мужиков по загривкам. Насилу очухались граждане, да побежали за ведрами.

Бабы с „неопалимой купиной“ вокруг бегают, орут истошным голосом и только заливать мешают. Насилу загасили. А только две избы сгорели и пожарный сарай.

— Такое,—сказал Кузьма Иванов, только что вернувшийся из Москвы.—Во всех городах, где университеты и прочие медфаки есть, сейчас профессоров чистят. Который есть неподходящий—вон! Надо и нам своего профессора почистить!

— Которого?—задал вопрос один из присутствующих.

— Да ведь один у нас—Мокей Шкулятник.

Мокея Шкулятника, здешнего знахаря, действительно, в шутку называли профессором.

По настоянию Кузьмы Иванова было созвано экстренное собрание, чтобы обсудить вопрос о знахаре.

— Итак, граждане, кто имеет сказать про Мокея?

— Чего тут говорить! Мужик полезный!—послышался голос из задних рядов.

— Необходимый мужик!—поддакнул ему сосед.—Ведь до фельдшера 12 верст, приезжает он к нам редко. А как же нам быть без медицины?

— Самый что ни на есть шарлатан и с бедняка по три шкуры дерет!—решительно заявил один молодой крестьянин.

— Давайте мы евойное лечение разбирать: на днях он куму мою от солитера лечил, так для этого ее за ноги к потолку привесил. Чуть не уморил бабу!

— А может этого наука требует...

— Наука!.. А кума-то моя и посейчас была бы больна, ежели-б она в больницу не ездила. Там ее ни за ноги, ни за какое другое место не вешали, а баба выздоровела.

— Он у меня за больной глаз полтора пуда муки содрал,—проговорил Семен Сурков.—А глаз как был так и есть—красный!

— Пастуховой девченке он перелом ноги лечил!

— Ну и что же? Ведь нога срослась!

— Срослась, да ведь пяткой вперед.

— А мне,—сказал дядя Корней,—наш профессор поило от живота дал. Второй месяц животом маюсь. Ну, и подох мой мерин!

— Почему мерин?

— А вперед я ему поило дал, брюхо вишь у него отчего-то раздулось...

— А сам не пил поила?

— Нет. Раз мерин сдох, то мне от такого лекарства, думалось, поправки не будет.

— Ну, вопрос ясен!—сказал Кузьма Иванов.—Ставлю на голосование: кто за то, чтобы профессору по шапке? Большинство!.. Объявляю, что Мокей Шкулятник в профессорах у нас больше не состоит, а по медицинской части каждый должен обращаться в больницу. Кроме того, будем хлопотать чтобы у нас медпункт открыли.

Собрание разошлось под ворчание нескольких старух.

И. О.—н.

Евстрат тут опять встрел:

Граждане! А про быка зарезаного мы и забыли! Ежели с кишкой ничего не вышло, давайте хотя бычье мясо продадим, да на эти деньги кишку купим настоящую.

Пошли граждане на то место, где быка второпях оставили. А там две собаки последнюю ногу обглаживают...

Так по сю пору и стоит машина без кишки.

Никита Зуб.

Сила привычки

В. В. Пашков и Л. И. Путягин, бывшие служащие Красносельского общества потребителей, подписались на второй заем индустриализации—сдвиг на 100, а второй на 75 рублей. В уплату за облигации они еще ничего не внесли.

Кооператоры.

Все дело, видите-ль, в привычке. Пашков был с кассой в крепкой сумке И в месяц раза два, не меньше (И было ведь ему не лень-жел), Он подпихнул на бумажку клаа, Свою зарплату получал. И не было такой промашки, Чтоб, расписавшись на бумажке, Он сам доплачивал в кассу. Он и теперь вопрос загнул (Привычки силу все узнайте!): Я подпихнул где-то подмахнул?! За подпихнул, значит, денег дайте!!

А. М.

Колыбельная песня

Во многих деревнях часто срываются различные собрания по причине невнятки на собрание выделенных докладчиков.

Спи, докладчик, будь спокоен,
Я тебе спою.

Ленью, ты, мой милый, болен,
Баюшки-баю.

Не ходи, дружок, с докладом,
Дома—как в раю.

Ну их, к лешему,—не надо,
Баюшки-баю.

Пусть там крепко матом кроют
Голову твою.

И помылят, и помоют,
Баюшки-баю.

Будет время—все узнают,
Вспомнят лень твою,

В РКИ тебя потянут,
Баюшки-баю.

Влад. Ф.

ПРОУЧИЛ

Дорога в Китаево была на редкость плохая: выбоины, колдобины, рытвины.

Кряхтели крестьяне, ругались, кляли на чем свет стоит непроезжую дорогу, а поправить никак не могли собраться.

В хорошую погоду не зачем было:

— Ладно, сухо, как-нибудь стороной проедем.

А в дождь говорили:

— Нешто ее теперь починишь: развезло так, что лошади чай по брюхо.

Больше всех ругался кольцевик-почтарь. Как приедет в Китаево, и ну крыть всех:

— Вам, чертям, что: вы раз в год ездите, когда хлеб убираете, а мне-то какво? Два раза в неделю муку эту терплю. И все из-за вас, ироды вы окайнные, лежебоки проклятые.

Китаевские граждане только хохотали ему в ответ:

— Тебе не нравится, ты и ремонтируй. А нам и так сойдет.

И почтарь уезжал разозленный.

Однажды дождь шел подряд три дня. Дорога в Китаево превратилась в жидкое месиво. Рытвины и ухабы стали непролазными болотами.

Почтарь вез очередную почту. Весь вымокший до нитки, он много раз, ругаясь, слезал с телеги и помогал выбившемуся из сил коню тащить застрявший воз, пока, наконец, лошадь остановилась, тяжело дыша.

Сплошная серая стена дождя закрыла весь горизонт. Дорога впереди лежала как речка. А до Китаева было еще далеко. Сочно выругавшись, почтарь дернул вожжи и закричал:

— А ну, Гнедой, заворачивай обратно! К черту! Посидите, милые, без почты, да без газет, посмотрим, что вы запоете..

Дождь шел с редкими промежутками недели две. Почтарь возил аккуратно почту во все села, а Китаево так же аккуратно объезжал стороной.

Как-то раз, когда почтарь собирался в очередной объезд, подкатила телега с китаевцами.

— А ну, почтарь,—закричали они,—качай к нам! Смерть запарились без почты. А дорога, брат, что твое шоссе. Вчера только кончили чинить. Ругали, было, тебя мужики, а теперь спасибо говорят, что проучил.

Почтарь довольно улыбнулся в усы.

Егор Лаптев.

Деревья—деревья

Вызываем вас, ребята,
На соревнованье:
Кто скорее бюрократу
Зад пропарит в бане?

Кто скорей построит школку,
В гроб уложит сошку,
Изведет в конец трехполку
И клопа, и вошку?

Кто скорее сагоночку
Разом уничтожит,
Перестанет бить ребенка
И друг друга тоже?

Кто скорей лупнет колхозом
По кулацкой шкуре?..

Живо, братцы! Паровозом,
Дуй вперед, к культуре.

Дятел.

Потребилке

Ты, потребилка,—маша слава
И наше чудо,—я не лыщу!
Ты—смертоносная отравка,
Но только волку—нэпачу.

Твою красу воспеть мы рады,
Как петухи—красу пшена,
Хоть и ворчим порой с досадою
Что ты товарами бедна.

Росла ты бедною сироткой
Средь нас, ленивых на борьбу;
Но мы теперь—по лени плеткой!
И частник вылетит в трубу!

Твои враги вопят со злобой,
Что ты—торговли нашей гроб,
Что тот, мол, Ванька пустолобий
Который пай несет в кооп.

Увы, бесплодны все попытки
Тебя унизить клеветой,
И неизбежно частник прыткий
Прольет слезу в карман пустой!

О, потребилка! Вот картина
Совсем уж близкого дняка:
Одним боченком керосина
Ты давишь в смятку паука!

И. ДАВЫДОВ.

ПЕТР МАКАРОВ, инвалид гражданской войны, получил очередную персональную пенсию. Посовещавшись с женой и старшим сыном, он решил к зиме купить на эти деньги теплую одежку ребятишкам. Туго набил «ясли» клевером, захватил полмеры овса, запряг своего «Грача» и на ночь поехал с женой в город на базар. Ехали не торопились и на базар приехали перед рассветом.

Плотно закусив и напившись вдоволь чаю, Петр завалился на телегу, а Марья пошла в город.

В городе вдоль главной улицы стройными колоннами шагали рабочие, распевали бодрые песни, а приближаясь к исполкому, единодушным «ура» приветствовали собравшихся на балконе членов совета. Трепыхались красные знамена и яркие лозунги звали с собою.

Зарябило в глазах, ноги двинулись сами и Марья запела вместе с рабочими песню индустрии. День индустриализации а это был он) сделал свое дело.

Неправильная пословица

Марья, затаив думку, вернулась к мужу. Базара не было в этот день.

Солнце было близко к заходу, когда Петр, готовый к отъезду, сел в телегу и взял вожжи. Марья наклонилась слегка к нему и осторожно сказала:

— Петр!

— Чего?

— Что я надумала бабьим умом:—давай подпишемся на заем индустриализации. Купить одежку еще успеем, да и до зимы еще далеко.

— Во, умная голова, чего удумала на пятом десятке! Пословица-то видно правильная:—«у бабы волос долог, да ум...!» Хочешь, чтобы без копейки остались и ребята голые ходили. Отдай деньги то, а потом и нищи ветра в поле..

— Так теперь же, Петр, совсем другая власть жизни настанет. Я вот была в городе-то и слышала, как доказывал рабочий, что облыжно говорят на советскую власть, зря пугают. В любой день облигацию можно заложить или продать, да вдобавок проценты получишь и можно выиграть.

— Лучше повезем домой, там найдем похоронку. А тут отдай, а потом и дрожи—отдадут или не отдадут, как тогда.—И Петр тронул лошадь.

— Так тогда же сумятица какая была, кто знает еще, где виновные. А теперь другие порядки.

Но Петра это убеждало мало.

Проезжая мимо райисполкома, он все-таки остановил лошадь и сказал жене:

— Иди узнай насчет займа в исполкоме, а если это так, как в городе говорят, то запишись.

Марья торопливо сползла с телеги и заковыляла в исполком.

МОСТ

Два года тому назад губернский отдел народного образования подвел итоги работе по ликвидации неграмотности. Достижения, по причине различных ошибок в расчетах, показались очень значительными. Работники народного образования пришли от этих бумажных достижений в такой восторг, что послали телеграмму товарищу Крупской, приглашая ее на юбилей работы по ликвидации неграмотности. Крупская прислала приветственную телеграмму... Спустя некоторое время, при более внимательном подсчете оказалось, что число неграмотных в округе достигает 70 тысяч человек.

Какой-то инженер

Расхвастался однажды:

- Я мог-бы, например,
- Вам мост отгрохать важный.
- Заклепок и гвоздей,
- Железа и бетона
- Ушло-бы (без затей!)
- Не более полтонны.
- И был-бы он длиной
- От Чухломы до Ней.
- Дорогою прямой
- Вали тогда скорее!

И вот в работе вол, как зверь,

За дело взялся инженер.

Один, как дятел на сосне,

Потел он в поле по весне.

И вот захлябали дожди,

А инженер твердит все—„Жди!“

И вот мороз во поле злится,

А наш строитель все трудится.

И только перед первым мая,

Сказал он, горб свой выпрямляя:

— Дорога вам теперь прямая!

О, сколько было поздравлений,

И торжества, и удивлений!

Не доглядели лишь за мухой супороской,—

И рухнул мост под тяжестью несносной.

Совет мой, братцы, очень прост:

К социализму строим мост,—

Так выдумкой не увлекаться!

Иначе можно просчитаться.

КУЗЬМА.

Петр докуривал вторую козью ножку, когда Марья возвратилась с распиской о приеме сберегательной кассой на хранение облигации. Телега покатила дальше.

Сумерки заметно гущались обволочивая в серую муть придорожные кусты и деревья. Подъехали к мосту. За мостом большая дорога двоилась и новая проселочная повертывала круто вправо. Только телега переехала мост,—как лопнула ось. Изрыгая проклятия, Петр слез с телеги, плюнул в ухаб, причинивший поломку, пощупал ось и решил ждать до утра.

Сон взял свое. Оба крепко уснули.

Марье приснилось, будто она в красном платке, в крепких сапогах, помолодевшая на много лет, сидит за рулем собственного стального коня и дробит землю своих десятин, готовая к осеннему севу. Мелькает зима, наступает весна и снова „верхом на коне“, только ином—по уборке и жатве полей. Спереди, сзади, кругом—все машины и кажется Марье, что воздух горит, а земля вся дрожит, поет и смеется радостно.

Под утро и Петр видал маленький сон, что, будто, едет он по мягкой и ровной дороге. Лошадь—не „Грач“, а чистый орел: так и несет, словно английская кровная. Пропали ухабы проселков, всюду зеркальная гладь...

Солнце ударило прямо в глаза. Вместе проснулись, долго кругом озирались и молча телегу чинить принялись.

Подъезжая к деревне, Марья любовно разглаживала измятую расписку и добродушно выговаривала мужу:

— А ты, Петр, говоришь, что „у бабы ум короток“!... Вот помогли государству, а государство нам поможет и заживем мы!...

— Выходит, Маша, неправильная половица. И баба может быть умнее мужика—виноват, ежели так... оправдывался Петр Макаров.

Конст. Волжский.

Бороной по кочкам

Не передел, а мор: бедноте один раззор.

Другой передел—хуже мора: мор-то губит людей без разбора, а кулацкий передел лишь бедноту задел.

В деревне Ротозино, Нейского района, ежегодно происходят переделы земли. Во время этих переделов кулаки захватывают лучшие земли, а бедноте отдают „остатки“. В нынешнем году на самую плохую переложную землю попал бедняк В. К. Трухин, безлошадник. Ему пришлось уплатить значительную сумму кулакам за разработку своего участка.

Наблюдатель.

Но развитие любого мора можно приостановить очень скоро, если пригласить знающего человека. Уверены, что и против кулака-рвача мы тоже скоро найдем хо-о-рошего врача.

Машину, ребята, побережь-бы надо!

Иному дуралею я трактор предложить не посмею. Плюнет дуралей на трактор, поскорей вытрет сопли и сам себя запряжет в оглобли. Дуралей на трактор сядет едва-ли: скорей сам на себе будет возить сено-ли, дрова-ли.

Но вот работники Парфеньевской кредитки—народ шибко ученый: они знают, как использовать трактор мудреный.

8-го августа на станцию Нижняя Палома из Парфеньева был прислан трактор. Трактор доставил со станции в кредитное товарищество всего одну молотилку. Лучше-бы эту молотилку было доставить на подводе: трактор нужен для других, более значительных, работ.

Шило.

Тут иной работничек заплачет:

— Конечно, можно использовать трактор иначе. Но зачем-же мне самому в оглоблю лезть, если у меня машина есть?..

Поди такому поперечь, что надо, де, машину побережь!

План-то хорош, да работы на грош.

Страна наша машинами небогата. Шире машины использовать надо. Чтоб машины работали круглые сутки,—составили план (это тебе не шутки!), план согласовали, утвердили и через полчаса о нем забыли. И вот результат:

По плану, деревня Василево, Заволжского района, должна была получить сортировку из Песоченского общества потребителей. Однако, сортировка оказалась неисправной и крестьянам пришлось сеять несортированным зерном.

Случайный.

Нравоучение, братцы, такое: чтоб машины работали без простоев, чтоб подобные недочеты изжить,—нужно работникам мозги починить.

3-й заем—в каждый дом.

Есть такие работнички, браточки, дело у которых не двигается с мертвой точки. Взять, к примеру, таких работничков полную меру.

Работники Палкинского лесничества, ветерологического пункта, больницы и Антроповского отделения связи до сих пор еще не приступали к распространению облигаций 3-го займа индустриализации.

С. Г.

Этот факт проводится потомству в назидание. Он заслуживает особенного внимания! Объясняет довольно точно, почему за Палкиным название укоренилось прочно. Но кличка „Палкино“—старорежимная кличка. Она исчезнет, как спичка на костре, если работники за дело возьмутся бодрей. И будет у нас тогда не Палкино, а село.—Инициативное. Но сначала надо заслужить это название дивное!

Зубастый дед.

Рукавицы за поясом.

Председатель и секретарь сидели в сельсовете в глубоком раздумьи. Секретарь уставился невидящими глазами в бумажку и чесал карандашом за ухом, а председатель, горестно качая головой, тербил жиденькую бороденку.

— Н-да, задача,—вздыхнул председатель.

— Н-да, задача,—поддакнул секретарь и опять уставился в бумажку.

А в бумажке значилось: „Найти актив, учесть его и развернуть работу“.

— Актив, а?— снова вздохнул председатель.—А где его взять? И какой такой он бывает?

— Чорт его знает,—ответил секретарь.

В дверь просунулась голова курьера:

— Товарищ секретарь, а что—газет нет еще? Граждане собравшись и читать желают.

— Не мешай, видишь, срочно заняты. Не разобрал еще газеты. Обождут.

Голова скрылась.

— Н-да,—вздыхнул председатель.

— Н-да,—вздыхнул и секретарь.—А где его взять? Оба долго молчали.

— Товарищ секретарь,—проснулся курьер,—там ребята, которые давеча приходили, опять насчет открытия клуба и радики. Пустить?

— Тебе говорят, заняты мы: актив ищем. Скажи им, на той неделе план увяжем, тогда поговорим.

— А этих тоже гнать, которые пожарную дружину организуют?

— Гони! Скажи, директивы из центра запросим, тогда и организуют.

— Эх, придумают же в центре задачу... Где в деревне наберешься этого самого активу? Блох можно набраться... И только.

— Читал я на днях в газетах: „кулак проявляет активность“. Может это самое и есть? Кулаков на учет взять, что ли?

— А какую же работу развернуть? А потом, где-ж у нас кулаки? Словно бы и нету?

Оба помолчали.

— Вот что,—спохватился председатель,—отпиши ты бумагу рiku, только поученей загни: нету, мол, у нас актива абсолютно. И делу конец. Чего зря голову ломать? Пиши: таковых не имеется. Вот и все. Теперь—печатать и пойдем.

Оба вышли из совета.

У крыльца ожидала кучка крестьян.

— Как бы газетки? Желаем тут обществом обсудить, как и что на свете делается.

— Завтра!—сказал секретарь.—Еще не разобраны. Устали мы здорово. Экстренная работа пришла из центра: все активу требуют, а где его у нас взять здесь, в такой глуши?

А. Стоврацкий.

Ловкий лужчина

Погулял с девкой, оставил ее с приплодом,—тут тебе и алименты. Дело обыкновенное.

Милицционеру Снегиреву приглянулась дочь вдовы Глаша,—девушка красивая, но глупенькая, даже неграмотная. Потом он пообразованнее нашел. Однако, оказалось, что и у глупенькой и неграмотной девушки может родиться ребенок. Для Снегирева, теперь влюбленного в образованную, этот неожиданный ребенок был, конечно, большою неприятностью.

Дело приняло алиментный оборот.

Стал Снегирев беседовать с Глашей „по душам“.

— Денег, по бедности, предложить я тебе не могу, а вместо денег готов тебе всяческое содействие оказывать... например, протокол составить или прошение написать.

— Так то так... ответила Глаша,—да ребенку то вот молоко нужно, и пеленки, а впоследствии даже полная одежка!

— Ладно, буду молоко давать по стакану в день. На пеленки свою старую простынку отдам, а когда ребенок подрастет,—вот эти брюки и шинель ему подарю.

— Да ведь девочка у меня. На что ей твои брюки и шинель?

Так ни до чего толком и не договорились.

Дня через три заходит к Снегиреву здешний богатей Редькин и говорит ему:

— А ведь дело, голубчик, серьезное: обидел ты не простую бедную девку, а мою племянницу!

— Так она племянница твоя? Вот не думал!

— Да, а, как дядя, я должен за нее вступиться!

Немного помолчав, Редькин продолжал:

— Я понимаю, что на алименты разоряться тебе затруднительно. А потому это дело я хочу взять на себя.

— Какое дело?

Оно самое: алименты моей племяннице платить.

— Не могу против этого протестовать,—сказал Снегирев обрадованно.

— Хорошо. Только будь добр, разреши мне самогонку варить, для собственного употребления. А чтобы у тебя сомненья не было насчет платежа алиментов, деньги я буду передавать тебе, ты уж сам ей отдавай...

Поартачился Снегирев немного, однако, пришлось согласиться. Взял только с Редькина обещание, что продавать самогонку он не будет.

Дня через два к Снегиреву другой богатей пришел, тоже Глашиным дядей оказался. Тоже хочет алименты платить. А там еще третий пришел—Глашин двоюродный брат. Опять же сожаленье о Глаше высказывает, хочет алиментами помочь.

Остался Снегирев очень доволен Глашиной родней.

И все бы шло гладко и душеполезно, но через самогон развелось в селе такое буйство, что к милиционеру Снегиреву высшее начальство прицепилось. И в конечном итоге попал Снегирев под суд.

На суде выяснилось, что кулацкие алименты Снегирев в свой карман клал.

— Вот это здорово!—удивлялись мужики на Снегирева:—он же девку с ребенком бросил, и он же по этому случаю алименты получал. Действительно ловкий мужчина!..

Лаптев.

ПРИВЕРЕДНИК

— Что это вы мне такую борону продали! Вся поломанная.

— Подумаешь, барин какой! До тебя тридцать борон таких распродали и никто не жаловался. Покупатели сами эти бороны отремонтировали.

АЛЕШКИНА ПЛАНТАЦИЯ

За ужином бабка Ксения заворчала как всегда:
— Хлеб да вода, да картошка. Изжога замучила. Хошь бы овощ какую, хошь бы морковину вырастили. Все харч поздоровей и хлеб в закроме целей.
— Ну, завела про морковинку да хреновинку,— тоже, как всегда, досадливо бросил глава дома, сын бабкин—Степан.
— Погоди, батя,—прервал его Алешка, лихой комсомол.—Бабка, дело говорит. Работа не замает, ежели

десяток грядок по за гумну вскопаем. И впрямь не дело—в деревне живем, а огурец—и то купи...

* * *

Предложение Алешкино организовать, общественный огород на сходе провалилось.

Алешка все же не унывал. Вечером на завалинке с Михайлой, незадачливым огородником, сидел, тихую беседу вел. А на другой день оба они огораживали тыном „плантацию“, как называл будущий огород Алешка.

Это было весной. А когда пришел срок, на „плантации“ увидели болотинцы пузырястые огуречные завязи и ровные прямоугольники кудрявой ярко-зеленой морковной ботвы. А лакированные с красными прожилками листы свеклы можно было разглядеть через корзиночные щели тына, а редечную зелень у самых прутьев изгороди уже совсем не хитро было заметить.

* * *

— Говорили тебе, олуху,—раздраженно вычитывал Алешке отец, когда однажды утром оказалось, что в тыне проделана лазейка и на „плантации“ произведено уже некоторое опустошение.

— Ничего, батя, это—временное явление,—решительно сказал Алешка и задумчиво почесал в затылке.

В следующую ночь дежуривший на огороде Михайло услышал, что кто-то осторожно раздирает прутья тына. Он притаился и стал ждать. Темная человеческая фигура без стеснения бродила по грядкам и торопливо выдергивала овощи.

— Ага, попался, вредитель!—закричал Михайло.

Фигура шаркнулась к тыну. Михайло успел ухватить полу ватной пальтушки, но человек из нее вырвался и быстро юркнул в лазейку, оставив в ней застрявший валеный с худой пяткой сапог.

— Володькина эта пальтушка,—говорил утром Алешка Михайле,—и сапог его. Это уж будьте покойники!

Огородники крепко помнили обидные кулацкие слова, которые изрыгал на сходе Володькин отец, кулак довоенного качества:

— Вы, комсомолы, только и смотрите, где бы украсть чужими руками сработанное! На то вы и в колхозы тащите, чтобы руки возле чужих трудов погреть.

— Ну, мы теперь покажем, кто на чужие труды падох,—сказал Михайло.—Вечером надо сход собирать.

* * *

— Помните, граждане, как нас Чубуков поносил, ворами обзывал?—говорил на сходе Алешка.—Так позвольте вам сказать, что он свое звание в люди отдает.

— Ты полегче, комсомол чортов! А то и в харю получишь!—озлобленно закричали кулак с сыном.—Что мы у тебя украли?

— Володька крал овощи с нашего огорода,—спокойно сказал Алешка.

— Докажи! Не пойман—не вор,—нахально сказал Володька.

— А вот сейчас все собрание убедится в моей правоте. Прошу следовать за мной,—пригласил Алешка.

Старое соломенное огородное чучело, поставленное „плантаторами“ от вороватых воробьев было неузнаваемо. На него была надета ватная володькина пальтушка, одна нога у него щетинилась соломой, а на другой форсисто развернул носок валенок с худой пяткой.

Володька был уличен и посрамлен. Его отец налился кровью от злости и прохрипел в сторону вора-сына:

— Убью стерву! Экую мараль на отца напустил...

* * *

Алешка с Михайлой продолжали все-таки дежурить по ночам на огороде. Но воровства больше не было.

Огород, к удовольствию бабки Ксении, дал богатый урожай. Без малосольного огурца не обходился ни обед, ни ужин, а с морковью и свеклой бабка сама варила духовитый борщ.

— Вот тебе и морковинка с хреновинкой,—говорил бабке внук, лихой комсомол Алешка.—Да и мы с Михайлой по червяку на огурцах выручили...

Надо ли говорить, что болотинцы, вполне убедившись в выгодности огорода, в что бедняки да середняки деревни твердо решили на будущий год организовать коллективный огород (а о коллективной пашне у них решено еще раньше).

Ладно, приедем к ним в Болотино и проверим, как крепко держат болотинцы свое слово.

Ускоренным ходом

Возле Буга организуется мощный льносовхоз—гигант. 11 колхозов бывшей Шунгенской волости сливаются в один. Новый объединенный колхоз должен будет объединить все крестьянские хозяйства волости. В Самети предполагается обобществить в одном животноводческом колхозе около 100 голов скота. К 1-му января 1930 года в округе будет коллективизировано 4 процента крестьянских хозяйств.

Растут совхозы и артели,
Деревня новая растет.
Мы в пятилетку в самом деле
Уйдем на десять лет вперед!

Отправили к господу

Крестьяне деревни Голузино, Палкинского района, пропраздновав тихвинскую, петров, ильин и спасов день, оставили нескошенным большой луг, с которого пришлось бы по стогу сена на каждое хозяйство.

Саяя Близкий.

Молились голузинцы, чтоб Илья-пророк
Побольше им сена запasti помог.
А в результате с хозяйства по стогу
Пошло не в сарай, а к... господу богу.

Гр.

Совет Тарасам, что спят без матрасов

!! Парфеньевский трик для проведения сельхозналога и 3-го займа индустриализации к Артемьевскому сельсовету прикрепил Тарасова, который посещает одного только председателю сельсовета, а среди крестьян никакой работы не ведет. Тарасов придет к преду, на сене поспит и уйдет.

Знающий.

Недоволен наш Тарасов:

— Неудобно без матрасов
— На колючем сене спать!
— Надо бы кровать достать.
— Не кровать бы, а машину.
— Не ломать в ходьбе чтоб спину,
— Чтоб в дороге можно спать.
— Вот такую бы кровати!

Спит Тарасов

Без матрасов,
А крестьянам
Без домкратов
Не поднять его никак.
Жуть! Отсталость! Полный мрак!

Недовольны и крестьяне:

— Да когда-ж Тарасов встанет?
— Дни и ночи храпака
— Задаст без тюфяка.
— На колючем спит репье.
— В холод дрыкнет и в тепле.
— Он большой охотник спать,—
— Без машины не поднять!

Мы такой совет даем:

— Надо в ход пустить заем,—
— Будет вам матрас желанный,
— Чтоб помягче было спать,
— Будут вам тогда домкраты,
— Чтобы спящих подымать!

А. ЗОЛотов.

Новый род кукушки

Крестьяне деревни Ивино, Орешковского сельсовета, Заволжского района, постановили: «В ответ на выпады китайских бандитов—уплатить досрочно первый срок сельхозналога».

Крестьянин.

Словам бы быть—алмаза тверже:

Сказал—и выполни на-честь.
Но тут слова—медовый коржик,
Чтоб баловаться, а не есть.

Этого своего постановления крестьяне деревни Ивино не выполнили.

Кр.

Но был приведен в исполнение

Обет орешковских селений:
За Ивино чужие дяди
Обет сдержали шутки ради.

Крестьяне Биликовского сельсовета, Парфеньевского района уплатили досрочно к 10-му сентября 1.283 рубля налога. Некоторые налог уплатили полностью.

Лобарев.

Не прячь истины лицо,
Сказать теперь мы можем смело:
У ивицев—слова и дело
Точь-в-точь—кукушка и яйцо:
Кукушка с кукарем кукует,—
Яйцо в чужом гнезде ночует.

Вот почему берем на мушку
Мы нынче новый род кукушки.

А. М.

Дубовый секретарь

Наметив провести первого августа военные маневры, Чернозаводские партийная, комсомольская, осовнахимовская ячейки 26-го июля создали своих членов на подготовку. Предполагалось пойти в деревню Ульково.

— Я не пойду,—заявил секретарь комсомольской ячейки Дубов и вышел из строя. За ним разошлись и остальные.

Защита.

Из-под дуба, из-под дуба,

Из-под вязава коренья...

Секретарь не хачет Дубов

Строем выйти на ученье.

А когда война наярнет

Дубов спрячется за печку.

Кто-то, кажется, подтянет

Эту мирную овечку.

Е. К.

На улице, у крыльца, после дождя, греются на солнышке две свиньи и собака. Тут же шагает петух.

Первая свинья (вздыхнув). Хозяин-то наш какой злой стал. В избу больше не пускает.

Вторая свинья. Меня так даже ногой пнул. Прочь, говорит, из избы свинское отродье! Чтоб, говорит, вам тут и не пахло.

Петух. Новый порядок наводит. Вчера меня из сени вытурил, вместе с курами. Кыш, говорит, окаянные, на дворе вам места нет!

Собака (почесав за ухом и встряхнувшись). Ничего вы не понимаете, скоты бессознательные. Разве-же это порядок, чтобы свиньи и куры по избе шлялись и грязь разводили? Хозяин по новому жить хочет, чтобы, значит, чистота в избе была. Я слышала, как он жене сегодня сказал: „По культурному жить начнем и никаких шутов!“

(Из избы доносится шум; собака прислушивается, наклонив голову на бок).

Слышь, загрохотало? Стало быть, начал..

Первая свинья. Чего начал?

Собака. Культурный порядок наводить. Ну да, так и есть!

(Из избы слышен бабий крик).

Слышите? Это он свою бабу за темноту и невежество бьет. Упрямая у него баба, культурной жизни сопротивляется!

(Из окна на улицу с треском падает горшок. Свиньи вздрагивают, собака поджимает хвост, петух отскакивает в сторону).

Первая свинья. Зачем горшок полетел?

Собака. Отсталый и невежественный предмет. Хозяин нынче новую посуду принес. Из стекла. Четвертью называется.

(Шум в избе усиливается. Раздается крик хозяйки: „зарезу!“)

Первая свинья (в панике). Слышь, резать собирается! Пойду-ка я лучше подальше отсюда. (Отходит, косясь, на крыльцо).

Вторая свинья. Не бойся, теперь пост. Он не нас, он жену зарезать хочет!

Первая свинья. Нешто она у него постная?

Собака. Да он жрать ее не собирается! Надоела она ему—вот и хочет убить. Ему теперь жена образованная нужна, чтобы газеты ему читать, а то он сам неграмотный.

(На крыльце показывается взъерошенная фигура хозяина. Оступившись на лестнице, он падает в грязь и лежит неподвижно. Собака и свинья отходят подальше, петух взлетает на забор).

Собака. Ничего не пойму! (Начинает лаять).

Первая свинья (шепотом второй). Пойдем, скорее вылакаем остатки из корыта, а то как бы этот бородастый боров не сожрал.

(Свиньи, опасливо озираясь, спешат к корыту).

И. О.

Тянут-потянут.

Андреевский колхоз, Костромского района, посеял нынче на четверти гектара турнепс. Однако, снять урожая колхозникам не пришлось. Андреевское кулачье днем и ночью тащило турнепс и к осени оголили всю делянку.

Деревенский.

Ванька за Сеньку, Сенька за дедку—
Тянут днем и ночью кормовую репку.

Кулакам колхозы хуже горькой редьки,
Потому и тянут Ваньки, Сеньки, Петьки.

По рукам кулацким надо стукнуть смело,
Чтобы не губили коллектива дела.

Е. К.

ПЕТРУШКА В КУЛАЦКИХ РУКАХ

ЛИЦЕВАЯ СТОРОНА.

ОБОРОТНАЯ.

Подготовка к севу во многих местах была начата с большим запозданием, когда уже часть крестьян отселилась.

Товарищ Горячкин явился на собрание, посвященное осенней посевной кампании, в нервно-возбужденном состоянии.

— Я, — начал Горячкин, — прибыл из РИК'а. Я компан-ист по этому собранию.

— Боже, — зашептала суеверная тетка Маланья. А говорят — оборотнев нет. Слышь, Федор! Из кома превратился в пана, а из пана в лист. Прямо страсти!

— Т-с-с. Ты, чортов сморчек! Сразу о колдовстве! Придержи свое помело за зубами... Так вот, граждане. Я прислан дело делать. Все-ли семена готовы к посеву?.. Так, так. Улыбаются? Значит, молчание — знак согласия. Прямо прелесть. Фиксируй, секретарь: „Семена к посеву приготовлены“.

— Сегодня же сделать комиссию и узнать процентную чистоту льна.

Собрание заулыбалось вновь.

— Неужели и комиссия была? Просто не народ, а малина! Все досрочно сделали. Фиксируй, секретарь, — продолжал удивленный Горячкин.

— Раскорчевку под ржицу гектарчика на четыре тоже не мешает.

— Угу, — промычал кто-то из толпы.

— Что — угу? Вы уже готово?.. Сделали?.. Просто передовая деревня. Фиксируй: „Агроминимум и все по осенней посевной кампании готово, как-то: очистка семян, раскорчевка и так далее. И все выполнено на сто процентов“. И напиши, что это сделано под руководством компан-иста Горячкина. Так и напиши... Согласны, граждане?

— А то как-же? Знаю, согласуемся. Раз вы за нас, — так кто супротив пойдет? Кто себе враг штрафы выплачивать? Спасибо вам! К весенней-то кампании пожалуйте.

Горячкин уехал с отрадой на душе.

Проезжая мимо паров деревень Невежино, Заболотново и других, Горячкин ахнул от удивленья. Пары зеленели тощими всходами озимых. Зато между ними густо заседали сорняки лебеда, осота и рыжика. На яровых полях виднелись снопы выдерганного льна, в котором наполовину была „торица“. Раскорчевок, как на зло, не виднелось ни клочка.

— Что это, — с ужасом спросил Горячкин своего возницу. — Я... я... всех оштрафую.

Возница сердито взглянул на Горячкина и глухо заговорил.

— Штрафовать не нас надо. Мы народ еще того... не дошли до вас... А вы — ученые... Вот ты говоришь — штрафовать надо. А за что? Что посеяли? Врешь! Мы сделали во-время. Это ты опоздал с приездом на три недели. Тогда бы еще в точку попал. А мы еще и не знаем, что

такое агроминимум. Не слышали и о сортировке семян. А мужики с тобой соглашались и улыбались от твоих мудреных слов. Ты — ученый на языке, а язык то хорош только во-время. Вот, милый, и везде так. Везде-то с посевом давно кончили.

— Кончили? Везде, говоришь? Ну так не по что мне далее ехать! Вези в РИК обратно!

Возница свернул в ближайший проселок налево.

Селькор Вик. Куинн.

Торе избача.

— Это, братцы, не работа: хочешь — вой, а хочешь — плачь. Оставаться нет расчета. Ухожу, — сказал избач.

— Почему, скажи, приятель? Может, мало книг, газет?

И услышал председатель избача такой ответ:

— Книги есть в избе-читальне, и журналы тоже есть, только парни понахальней норовят с марухой влезть. Не читают, а балуют. Словом, делают бузу: девок щиплют и

целуют, да подсолнухи грызут. А вчера пришел Евтишка, двери тянет за скобу. Говорю:

— Куда, парнишка? Я сейчас запру избу: керосину нынче нету, ничего не увидать.

— Вот лафа, — кричит, — без свету нам с Маруськой благодать!

Уж зовут изба-свиданья. Им смешно, а мне хоть плачь. Нет, увольте! До свиданья!

Кончил жалобу избач.

Астов.

Два вызова

— Председателя и секретаря выбирать не будем и поэтому собрание считаю открытым, — объявил сельисполнитель. — Говорит Тит Титыч.

Тот важно встал, неторопясь расправил рыжую бороду и начал.

— Сегодня я говорил с отцом Сергнем и тот наказывал завтра, то есть 17-го числа приходить за иконами. Я думаю, что вам всем известно, что сейчас везде проводится соревнование. И мы должны этот лозунг поддержать. В деревне Лялки крестьяне постановили 15-го числа устроить моление, чтоб господь бог дал нам на 30-ый год хороший урожай. Они вызывают нашу деревню на соревнование последовать ихнему примеру. Раньше отцы и деды наши молились и мы не должны забывать этот праздник.

— Довольно, намолились, — возразил кто-то из толпы.

— Ты постой, Петро, не перебивай, — возразил агроуполномоченный. — Я полностью присоединяюсь к мнению Тит Титыча, как есть молитка, минеральные удобрения и зерноочистка одно целое и неделимо. То я бы предложил высказаться, кто завтра поедет за крестом. Цена за подводу, как и всегда, полтора рубля.

— Ну, ладно, я, пожалуй, съезжу, — сказал Петруха.

— Ты хоть и бедняк, но в бога не веруешь и молиться не будешь, — вскрипела жена Тит Титыча. — Пусть ездит тот, кто будет молиться.

— А ты почем знаешь, может быть я тоже буду молиться, — заговорил обиженно Петруха.

— Пусть заработает, — поддержал Петруху член сельсовета Никудышный. — И вот мое предложение: чтобы завтра никто не работал. Молиться, так молиться.

— Значит, вызов принимаем, — снова выступил Тит Титыч. — Можно, значит, и не голосовать... А кто-же это там таной идет?

Все обернулись к улице и увидели учительницу соседней деревни. С ней вместе шел партиз той-же деревни.

— Вот и хорошо, — сказали они, подходя к собранию. — Все в сборе. А мы к вам пришли агроминимум проверять. А второе, наши пироговские мужики вызывают вас на соревнование — поддержать заем, купить веялку и ввести правильный севооборот.

— Вот это правильно, — сказал Петруха. — У нас будет веялка и не будет...

— Ты погоди, Петруха. На что нам эта веялка, — возразил Тит Титыч. — У нас ее и поставить негде. И как будем пользоваться. А если мы поведем правильный севооборот, то все останемся без хлеба.

— Правильно, — поддержал Никудышный. — У нас деревня бедная и бесклубная. Даже я продаю, то есть, тыфу, ты не легкая, покупаю. И я первый сдам в налог все облигации займа.

— А мы-то на вас надеялись, что не подкачаете, пойдете навстречу советской власти, которая о вас заботится.

— Надо обождать! — в один голос сказали Тит Титыч и Никудышный.

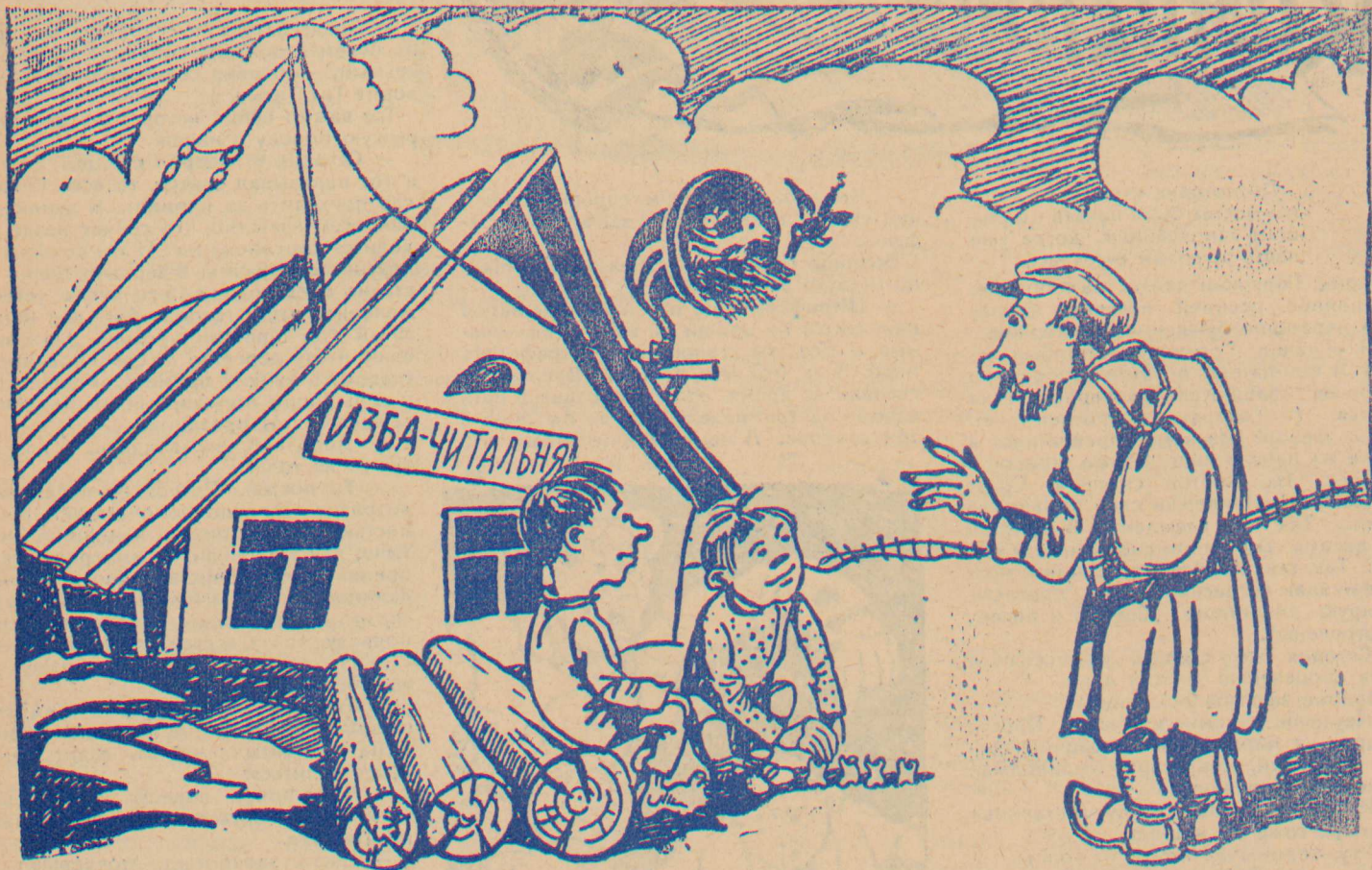
— Довольно одного вызова, — продолжал Тит Титыч. — А то разве это порядок — за двумя зайцами гнаться?

— И, действительно, нашей деревни два соревнования не под силу, — встал свое слово Никудышный. — Хватит с нас и одного.

Не думайте, что это — выдумка. Так и было дело в деревне Сирино, Буйского района. И все потому, что нет организованности бедноты и кулаки вертят деревней, как хотят.

А. С. Чурилов.

В „радиоофицерованной“ деревне

— А пичугам-то радио не мешает?
— Не, вторых птенцов уже выводит.

Торе—селькор

Селькор Карякин чуть не плакал:
— „Что сделалось с престольным
днем?
— Прошел без пьянки он, без
драки,
И нечего писать о нем!
— Какие дать в газету вести?
— Бесплодных тем проходит рой.
— Предсельсовета—трезв и че-
стен,
— Селькору толк с него какой?
В коопе—дельное правленье,
— А это для селькора нож.
— Ведь гонорара, без сомненья,
— На этой теме не сорвешь!
— И с самогоном стало жидко,
— Никто не курит, хоть убей!
От трезвости селькор в убытке:
— Не досчитался трех рублей.
Вздыхал Карякин: „о, проклятье,
— Как тихо в нашей стороне!
— И только аккуратно батя
— Разводит дичь на пользу мне“.

И. Гр.

ГРАБИТЕЛЬ

Год за годом сельский житель
Свыкся с тяжкою судьбой:
Безнаказанно грабитель
Совершает там разбой.
У него расправы скоры,—
Так давно уж повелось:
То сломает он рессоры,
То оглоблю или ось,
То колеса в грязь загонит,
То лишит подков коня,
То в канаву воз уронит,
Что не вытащишь два дня.
То забрызжет грязью спину,
То поднимет тучей пыль,
То проколет авто-шину,
Задержав автомобиль.
От него страдают люди,
Но грабитель на беду
Совершенно не подсуден
Пролетарскому суду.
Не боится он острога,
Отравляя каждый шаг...
А зовут его—ДОРОГА,—
Наш проселок и большак.

Мы грабителя и вора
Дружным натиском уйдем:
При посредстве „Автодора“
В камень вора закуем.
Будут крепкие оковы,
Ляжет скатертью простор,—
Только-б мощною основой
Укрепился „Автодор“.

ЕГОР ЛАПТЕВ.

Как на свалку

В деревню Тихий Край
Кульшеф прислал газеты.
— Ну, секретарь, читай,
— Что деется на свете!
И он, как на пожар,
Торопится в отваге.
— „Чем раньше вспашешь пар,
— Тем больше будет влаги!“
— Стой!—крикнул Тит Лесной:
— Не брешет ли газета?
— Пахали мы весной,
— А ведь теперь то лето.
— Взгляни-ка, секретарь,
— Как там, у заголовка?
Глядят:—А там—январь!
— Вот во-время! Вот ловко!

..... Гулик.

Осекняя мечта

Птиц пролетных льются трели,
Слышу жалобу жены:
— „Хоть бы куры улетели
С журавлями до весны.
— Удовольствие какое
Хлопотать без пользы мне,
— Ведь от подлых кур зимою
Раззоренье на пшене!“.

И. Г-г.

Богородица-древесница

У попа Покрова, что на Очепках, приход был маленький, а семья большая. Каждый год попадья исправно приносила по маленькому поповичу или поповне.

На всю поповскую ораву была лишь одна работница, веселая, неунывающая девка Агафья.

Целый день только и слышно бывало звонкоголосое:

— Агашка, принеси! Агашка, прибери! Агашка, подай! Агашка, загни!

Бегала Агафья совсем обалдевая, а харчей у попа в обрез: попадья очень зеркаста, все у нее под ключом, все на запоре... Да и поп прижимист.

Урвала раз минутку Агафья, когда кладовая была открыта, и шасть туда. Схватила сала кусок да ситного, а поп тут как тут:

— Ах ты, воровка негодная! Сейчас же к милиционеру отведу.

Перепугалась Агафья, что в тюрьму поп посадит и, желая вывернуться, ляпнула сгоряча, не подумавши:

— Да я, мол, батюшка, не себе.

— А кому же?

— Да я для богородицы?

— Как для богородицы?

— Вот лопни мои глаза, ежели вру... Богородица, батя, у нас объявилась на дереве, сидит она там и так горько плачет... Я, говорит, странствую по Россеюшке и пришла, говорит, отдохнуть, а сама не пимши, не емши и объявиться не могу, потому как только праведным людям могу себя оказать...

Повела Агафья попа к старому дубу за ограду церковную, посмотрела на него и пала на колени:

— Вот она, матушка царица небесная-древесница! Святой ручкой пот с личика утирает...

Попу понравилась такая выдумка, он и говорит:

— Хотя я и не вижу сей богородицы-древесницы, но ты верь своим глазам, Агашенька.

— Где тебе увидеть, батюшка, раз ты в жизни не очень праведный. С матушкой резвишься, винцо потягиваешь, на деньгу падох... Вот богородица тебе и не кажется...

— Ну, ладно, будет.

Разглядел поп свою пышную бороду и добавил:

— Хорошо. А ты, милая, богородицы не теряй из виду. Пошлет она нам с тобой удачу.

Быстро слухи идут по деревням: слух за слух цепляется, растет молва стоустая: „объявилась на древе в Очепках богородица“.

Стали стекаться богомольцы целыми толпами: молодухи, старухи, мужички степенные, калеки убогие, люди немощные.

Агафья на коленях под дубом стоит, истово крестится, причитает:

— Вот она, матушка наша заступница, сидит вся, как голубок, беленькая, босы ножки свесила, по воздуху ими побалтывает, умиленно на народ поглядывает, крестным знаменем всех осеняет.

Поставил поп аналой: молебен служит без передышки целый день, сыплются медяки трудовые...

Никто не видит богородицы-древесницы, а все верят. А поп повторяет то и дело:

— Не верьте, православные, своим глазам, ибо неправедной жизни всяк из вас, все вы грешники... верьте, православные, глазам Агашинным...

К ночи ушли поп с Агафьей. А народ все около дуба не убывает, стекаются новые толпы, уж и кликушки появились, кричат истошным голосом.

Стали поп с Агафьей выручку делить, говорит поп: — Выручки всей, Агашенька, пять рублей, бери половину...

Агафья упирается:

— Нет, батя, на мой глаз набрал ты больше трех червонцев...

Отвечает поп строго:

— Не верь ты, Агафья, своим глазам... Сказано — пятерка, и баста.

Рассердилась Агафья, но смолчала. Пришла чуть свет к дубу, спрашивают ее богомольцы:

— А что, Агафьюшка, сидит ли на дереве богородица?

Посмотрела на дуб Агафья, вздохнула:

— Сидит-то сидит, да чтой-то как будто в путь собирается.

— Ну, а теперь еще сидит?..

— Ай, матушка наша заступница, царица небесная ножками взболтнула, ангелы господни под ручки ее подхватили, вот вспорхнула, как белая тень. Вон уж крошочная стала... Улетела богородица-древесница в страны райские. Аминь.

Прибежал поп, только, было, молебны хотел начать, а народ расходится.

— Нечего и служить, раз улетела... Пред пустым деревом чего служить.

Затопал ногами поп, кричит:

— Не верьте, православные, глазам Агашкиным.. Врет она все, не улетела богородица, не приспе убо время ей отлететь...

А Агафья ухмыляется:

— Чудной ты, право, батя: то верьте ее глазам, то не верьте; чай, глаза-то у меня все те же... Верьте, православные, своим собственным глазам—нет тут богородицы: рассердилась на попа шибко за то, что меня на десятку, а то и больше обсчитал... Рассердилась и отлетела раз навсегда.

К. Милль-Полярный.

Как аукнется...

Четыре бедняцких хозяйства деревни Агарново обмолачивали трактором овес. Член правления Большесольского завода П. Манин, не дав им закончить обмолаот, велел снять с машины ремень и трактор отправить в другую деревню. **Беспартийная.**

Приказал он снять ремень
И машину дальше двинуть...
И в один прекрасный день
Бюрократа тоже снимут. **Р.**

Выявляют и выявляются

Нижне-Паломское потребительское общество для перерегистрации пайщиков не выслало в селения технического работника, а вызвало всех пайщиков (их более 1.000 человек) в правление. Из-за бюрократизма правления, крестьяне потеряли около 1.000 рабочих дней. **Пайщик.**

При перерегистрации
Всплывет, ребятки, тот,
Который в кооперации
Не пайщик, — только крот.

Но всем на удивление
Сейчас-же всплыл тот факт,
Что кое-кто в правлении
Изрядный бюрократ. **Е. К.**

— Ну как, помогаете вы председателю. Поддерживаете его?

— А как же. Все время его поддерживаем.

ТОЧКА

В районную комиссию по выявлению объектов обложения по сельхозналогу входили два представителя: один из РИК'а, другой — из ОИК'а. Первый был тощий, длинный. Голова его была чересчур велика, а поэтому, когда он поднимался, туловище начинало трястись, а ноги подкашиваться. Представитель из ОИК'а называл его: — „Товарищ Толстоумов“, а тот усиленно поднимал голову и спрашивал: „Что вам угодно?“

Из ОИК'а был Языков. На картофельном носу он носил золотые пенсне. По лицу коллективно расплылся ряд веснушек. Через пенсне можно было видеть узенькие медвежьи глазки. Он нервно отмахивался от полчища мух:

— Окаянные животы! И зачем вы на свет зародились?

— Что вам угодно? — спросил Толстоумов.

— Не с вами, дружище, — огрызнулся Языков. И кой чорт так долго не жалуют? Ну и уполномоченные от селений... Жара! Духота! Пылище! А тут сиди и с мухами вой.

Уполномоченные, наконец, стали подходить. Языков кричал:

— Кати, вали, подваливай! А ну, тетка! Ать, два, три! Собирайсь, садись! Открываем! Начинаем!

— Ах, чорт возьми! Точка!

— Чего вам угодно? Какая точка? — спросил Толстоумов.

— Точка, говорю. Во среди пенсне и глядеть мешает. Мушиная точка.

— Хе-хе-хе, — засмеялся Толстоумов. А вы сотрите. Носовым платочком смахните.

— Все в сборе? — оставил без внимания совет Толстоумова Языков. Хорошо. Записывай... Иванов здесь?

От деревни Семейкина, говоришь? Отмечай заработок Аристов, 250 заработает?

— А как сказать, — тянул Иванов.

— Точка, дальше ехать некуда. Соловьев 300 заработает? Нет, говоришь? Заработает! Точка ему! Платить не больше старого. Кузнецу — 300. У него сын красноармеец. Точка! Смирнову — 100 рублей хватит.

— Да, батюшка, у него хозяйство крепкое. Как это вы?

— Чего ты, тетка! Не видишь — точка!.. Значит, кончаем. Все хорошо, скоро... и правильно. Все в точку...

Когда пришли окладные листы, — крестьяне бросились к своим уполномоченным.

— Это что, а? Мне, бедняку, — 300, а ему — 100?.. Я плачу 10, а у Васьки Пузова хозяйство каково? А он платит 6!

— А земли-то? Батюшки-светы! Земли-то на две десятины больше вкатили!

— Смотрите, моего-то хромого с Карпом Василичем сравнивали!

Собравшиеся с кулаками перли на уполномоченных. Те сняли шапки и заговорили:

— Граждане! Не мы виноваты. В наш Каплинский сельсовет выезжала налоговая комиссия из Буя. И были в ней уполномоченные: от РИК'а — Махов, а от ОИК'а — Куликов. Куликов не слушал нас, а больше придерживался старых списков и добавлял к каждому хозяйству — „точка“. Она ему очень нравилась. Главное, скоро. А мы не виноваты.

Крестьяне разжали кулаки и сказали:

— А вот мы... точечников-то — в „Бороний Зуб“.

Селькор.

Жалоба

В избу Савина поп Иван ввалился хмурый и грузно опустился на лавку.

— Издеватель, это, а не архиерей, — начал он сердито. — Деспот он старорежимный! Какое имеет право наш договор не утверждать?

Хозяин растерянными глазами уставился на попа.

— Как не утвердил? Неправильно это будто. Поп ты в полной форме. Сана не лишен. Представительность имеешь. Не какойнибудь попишко захудалый, а можно сказать довоенного качества. Не имеет права он так самовольничать. Можно и на него управу найти!

— Да, найди-ка управу, пожалуйста!

— Постой, не кричи! — заявил хозяин. — Подумать надо. Может быть, что и придумаем... Постой, постой! А вы в свой союз, батюшка, обжалуйте.

— В какой союз? Какой у нас может быть союз? Ведь я нетрудовой элемент, паразит, по-ихнему.

— Оно, конечно, паразит, это верно. А все-таки не может быть, чтобы некуда было жаловаться. Теперь не старый режим... А почему-бы, например, в Кострому, в отдел труда не обратиться, как есть у нас договор на руках?

— А ведь молодец, право слово — придумал, — подскочил обрадованно поп Иван.

Через несколько минут была готова бумажка.

В КОСТРОМСКОЙ ОТДЕЛ ТРУДА.

Мы, группа граждан деревни Боярское, заключили трудовой договор со священником Спасским на обслуживание нашего прихода и договор послали на утверждение гражданину архиерею. Однако, вопреки нашему желанию, оный архиерей вышеупомянутый договор не утвердил без объяснения своих причин. Считаем это неправильным, так как священник Спасский вполне подходит по квалификации и по примерному поведению. Поэтому и просим воздействовать на гражданина архиерея на предмет аннулирования его несогласия. К сему подписуюсь от лица прихода — САВИН. Прилагаю марку на ответ и прошу ответить по адресу: Печенское почтовое отделение, Буйского района, Савину Григорию Федоровичу.

Ответ был получен, но не такого ответа ожидали Савин и поп Иван.

— В поповские дела не вмешиваемся, с архиереями переписки не ведем и ничем вам не можем быть полезны.

Такой ответ дала Кострома.

Я.

— Ну, как у вас проходит антиалкогольная кампания?
— Да так... с перебраньями.

МЕЖДУ ДЕЛОМ

Решения задач и загадок, помещенных в № 7 журнала „Бороний Зуб“.

Всего на конкурс поступило 31 решение.

Правильно решили все задачи 27 человек.

Кто получает премии.

Среди товарищей, правильно решивших все задачи, были разыграны премии. Они достались: **М. Г. Шапкину** (деревня Н. Самылово, Солигаличского района); **Нонне Бычковой** (Межевская школа крестьянской молодежи); **С. В. Петрову** (деревня Жировлево, Судиславского района) и **И. А. Белову** (дер. Нероново, Чухломского района).

Премии — ценные библиотечки высланы выигравшим по почте.

Ответы на задачи в № 7.

Шарада № 6 — сор-ока-сорока; шарада № 7 — вор-о-шило-в — Ворошилов; задача № 1 — ле-беда — лебеда; логогриф № 7 — кошка-мошка-сошка.

ШАРАДА № 8.

Любой игрок на первый слог
Поставить денечки бы мог.
А слог второй — по нем порой
Объзы тянутся зимой.
А третье — курица дает.
Прочти его наоборот.
От **целого** великий прок
И на значительный, ведь, срок.
Кто точно договор блюдет,
Кооперации сдает
Плоды тяжелого труда,
В большой тот выгоде всегда.
Тому — авансы, семена
Дает советская страна.

Задачу эту ты реши,
Да договорчик подпиши.

А. М.

Шарада № 9.

Слог начальный мой родится
От деревьев. И порой,
Если лошадь заленится,
Скажет кучер слог второй.
А из **целого** нередко
Пиджаки шьют и жилетки.

Л. Кудрявцев, дер. Леоново, Буйск. района.

Логогриф № 8.

С „б“ — в нем ягоды растут,
С „в“ — по амбарам бродит,
С „с“ — метлой его метут,
Чистоту наводят.

Л. Кудрявцев

Музейная редкость.

Солигаличский РИК решил организованный в городе в 1923 году музей местного края перенести в коммуны „Труд и Свет“ в двух километрах от города. Конечно, посещаемость музея быстро сойдет на нет.

СЕЛЬКОРЫ.

Историк подвиг сей великий
Отметит для грядущих дней.
А мудрецов догадливых из РИКа
Самих бы —
В банку да в музей!.. Р.

Эй, старушки, старики! За один всего пятак
Без зубов вы? — Пустяки! Будет с зубом каждый, всяк.

Подпишися, стар и мал,
На „БОРОНИЙ ЗУБ“ — журнал!

Не по охотникам добыча

Вишь, разрывается на части
Кулачья свора черной масти.
Не захватить медведя в плен!

Но все усилия их—тлен:
Раз нет ни силушки, ни снасти,—

Ответственный редактор М. П. ГРУША.